

На правах рукописи

Горбунова Юлия Фёдоровна

Император Николай II как государственный деятель

в отечественной историографии

(конец XIX – начало XXI вв.)

**07.00.09 – Историография, источниковедение
и методы исторического исследования**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Томск – 2004

**Работа выполнена на кафедре отечественной истории
Томского государственного университета**

Научные руководители: доктор исторических наук, профессор
Говорков Алексей Александрович

доктор исторических наук, профессор
Жеравина Аниса Нурлгаяновна

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Фоминых Сергей Фёдорович

кандидат исторических наук, доцент
Кисельникова Татьяна Валентиновна

Ведущая организация: Томский политехнический университет

Защита состоится 21 мая 2004 г. в 15. 00 на заседании диссертационного совета Д.212.267.03 по защите диссертаций на соискание учёной степени доктора наук по специальностям 07.00.02 – отечественная история, 07.00.03 – всеобщая история и 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования в Томском государственном университете (634050, г. Томск, пр. Ленина 36, ауд. 41).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета.

Автореферат разослан «20» апреля 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор

О. А. Харусь

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Формулировка проблемы исследования и актуальность её решения.

Историографическая традиция, сложившаяся вокруг имени императора Николая II уже отметила свой столетний юбилей. В течение века фонд документальной, научно-исследовательской, публицистической литературы о последнем самодержце быстро, хотя и не беспрерывно пополнялся, а на нынешнем этапе своего роста вовсе сделался трудно обозримым.

Между тем обилие бытующей ныне печатной продукции о последнем царствовании никто не спешит признать свидетельством её высокого качества. Напротив, доминирует скептическое мнение, что качество это обратно пропорционально её распухающему объему. И стали уже привычными сентенции современных авторов, что всё ещё «у нас нет» ни «научной биографии Николая II», ни «добросовестных исторических исследований о его времени», что «как личность и как политик он до сих пор не признан и не понят», а «тема еще не освобождена от предубеждений прошлого, от клише и ярлыков длительной социально-идеологической конфронтации»... Причём неблагополучие историографической ситуации находит свое выражение даже не в том, что приведенные выше высказывания в какой-то мере справедливы, и их разделяют практически все современные авторы. Гораздо тревожнее, что эти общепринятые умозаключения не способны, по-видимому, инициировать никаких ожидаемых ощутимых изменений, поскольку о необходимости последних приходится напоминать снова и снова. Почему же так происходит? Почему отечественная историческая наука оказалась не в состоянии сказать ничего принципиально нового о последнем самодержце? Решение этой проблемы, которая уже самым скептическим отношением учёных к «новой» исторической литературе вполне поставлена, а отдельными из них даже и четко сформулирована, имеет не только сугубо научную значимость, но актуально и для современного российского общества в целом. Актуальность настоящего исследования определяется, таким образом, целым комплексом разнообразных факторов:

– Во-первых, личность и деятельность императора Николая II продолжают вызывать острые споры, в которых участвуют не только профессиональные историки, но и публицисты, широкая общественность, высказывающие подчас самые разные и даже противоположные суждения.

– Во-вторых, огромный массив разноплановой исторической литературы о последнем самодержце, появившейся в течение ста с лишним лет, ещё не подвергался специальному историографическому рассмотрению.

– В-третьих, достижения современной историографии о последнем царствовании вызывают у многих историков-профессионалов мучительное чувство неудовлетворённости, обманутых надежд. Однако сложившееся сегодня в отечественной историографии положение уходит корнями в её прошлое. Это значит, что для продолжения эффективных научных изысканий требуется подвести итоги уже проделанного исследовательского пути. И прежде всего именно комплексное историографическое исследование может установить то, какие факторы оказывали и продолжают оказывать влияние на процесс накопления исторических знаний, наметить возможные перспективы дальнейших научных поисков.

– В-четвёртых, будучи ныне обделено свежей научной информацией о последних Романовых, российское общество вынужденно черпает сведения о них из более доступных, но не всегда качественных источников. Их распространённость свидетельствует не столько о тщете любых исследовательских усилий историков, сколько как раз о необходимости активно вырабатывать альтернативное историческое знание, вмешиваясь в процесс формирования исторических представлений российского

общества.

Объект исследования. Объектом настоящего исследования является отечественная историческая литература об императоре Николае II.

Предмет исследования. Предметом настоящего исследования являются условия, ход и результаты предпринимавшихся в отечественной историографии попыток рассмотреть императора Николая II в качестве государственного деятеля, то есть человека, осуществлявшего функции управления государством, участвовавшего в определении внешне- и внутривластного курса страны.

Состояние научной разработанности темы исследования. Первым опытом разработок темы, очень ещё далёким от профессионального историографического анализа, можно признать немногочисленные и немногословные, но всегда резко критические отзывы дореволюционных российских публицистов на сочинения своих политических противников, обращавшихся среди прочего и к освещению государственной деятельности Николая II. Причём эти отзывы исходили, как правило, только из либерального и радикального, то есть оппозиционного престолу лагеря, представители которого возмущались чудовищной лживостью возвышенного парадного образа самодержца и подозревали за писательскими стараниями его апологетов низменные корыстные цели (подобные идеи высказывались, например, В. Обнинским, запечатлелись в карикатуре). Что же касается официальной публицистики и периодики, которые этот образ именно и культивировали, то им приходилось игнорировать выпады критиков императора, чтобы не афишировать само их существование.

Революция 1917 г. не привнесла особых изменений в процесс осмысления уже появившейся и продолжавшей прибывать литературы о Николае II. Более того, это осмысление на время практически утратило свой объект: критика официальных изданий недавнего прошлого стала бессмысленной – их тенденциозность в оценке личности и государственной деятельности последнего Романова казалась очевидной, новая литература подобного сорта появляться перестала, а критиковать авторов, приветствующих свершившуюся революцию и обличающих представителей старого режима, было несколько странно. По крайней мере, единичные голоса (К. Сивков, Л. Жданов), призывавшие обратить внимание на поверхностный, а местами и бульварный характер новоиспечённых публикаций о Николае II, услышаны не были.

Наступление советской эпохи ознаменовалось возобновлением ожесточённого публицистического, а несколько позднее и научного противостояния по вопросам, имевшим отношение к освещению и оценке государственной деятельности императора Николая II. Но теперь эта неистовая словесная борьба, разразившаяся между советскими и эмигрантскими (а затем и зарубежными) исследователями, имела уже обоюдный, а не односторонний, как прежде, характер (участие в ней приняли И. Василевский, М. Касвинов, Н. Павлов, Н. Языков и др.) Вместе с тем ни количественно, ни качественно историографические суждения тогда, думается, не изменились. Лишь эпизодически обращаясь к анализу высказываний своих идейных оппонентов о последнем самодержце, обе стороны предъявляли друг другу такие обвинения, чтобы продемонстрировать главным образом лишь «беспардонную лживость» противника и тем самым до основания разрушить его исторические построения. «Клевета», «порция вымыслов и фальшивок», «революционные пасквили», «поделки советологов», «мерзость писаний», «пошлость и низменность» которых «очевидна»... – к этим и подобным им суждениям прибегали советские и эмигрантские авторы, чтобы охарактеризовать результаты исследовательских усилий друг друга. Сходным образом трактовали враждующие стороны и те мотивы, которые побуждали противника проявлять крайний субъективизм при оценке императора Николая II: в качестве

таковых рассматривались политические и идеологические пристрастия, требовавшие исторического обоснования и, следовательно, негласного, но целенаправленного внесения определённых корректив в систему исторических знаний. Это значит, что и до и после революции отечественная историческая мысль была склонна концентрировать всё своё внимание только на таком предопределявшем процесс и результат осмысления личности последнего самодержца обстоятельстве, как **сознательное** искажение исторической истины во имя определённых идейных и (или) даже материальных интересов.

Таково было положение историографических дел, когда в СССР началась перестройка, а изучение последнего царствования подошло к новому рубежу. Казалось бы, для подлинного обновления исторических знаний в этой области, следовало заняться анализом накопленного за сто лет историографического материала, определить перспективы развития отечественной исторической науки. Между тем такому анализу в новейшей историографии достойного внимания снова уделено не было. И главное даже не в лаконизме всех его попыток, их объединяет и нечто более существенное – отношение к рассматриваемому материалу, сам механизм этого рассмотрения и его цель, которые уже не способны дать особого эффекта для дальнейших поисков.

Анализируя долгий опыт предшествующей работы над конкретно-историческим образом последнего самодержца, современные историки (среди них А. Боханов, А. Днепровой, В. Измозик, А. Искендеров, Ю. Кряжев, В. Чакшов, П. Черкасов) выделяют и противопоставляют сформировавшиеся в её ходе «два основных подхода», которые условно обозначаются как «критический» и «апологетический». Причем разительные внешние отличия между «карикатурным образом» Николая II и его «иконографическим изображением», созданными посредством применения указанных подходов в исследовательской практике, более не заслоняют кардинального сходства этих последних, ибо, по мнению авторов, «оба они одномерны».

Примечательно, что уже в самих словесных определениях, выбранных для сущностной характеристики «подходов», явно поставлена под сомнение возможность провести в рамках как одного, так и другого из них объективное историческое исследование, достичь приемлемого для современной науки результата. И как выясняется, основное к тому препятствие ученые усматривают в заведомой колоссальной идеологической и политической ангажированности их адептов. В результате, констатацией чрезмерной идеологизации и политизации познания прошлого нынешний историографический анализ по сути и заканчивается, но признаётся, однако, вполне достаточным не только для описания, но и для преодоления тех пороков, которые долгие годы парализуют изучение личности и деятельности императора Николая II. Причём эти пороки кажутся современным исследователям столь очевидными, что элементарный характер приобретают, в их глазах, и пути получения искомого, то есть по-настоящему нового знания о последнем самодержце, пути, которые так до сих пор и не стали предметом обсуждения и каждый раз лишь провозглашаются – «непредвзятое исследование», «спокойный беспристрастный анализ», «объективные обобщения и выводы» и т.п. Между тем в главном всё это уже по меньшей мере неоднократно обещалось и осуществлялось, приводя к достижению диаметрально противоположных заключений и, если верить отзывам сегодняшнего дня, отнюдь не гарантируя при этом их объективности или научности. Следовательно, задачу обновления исторических знаний о последнем российском монархе подобные декларации по существу не решают – ни объективность, ни научность, ни новизна не станут достоянием науки в силу одних лишь рассуждений о необходимости продемонстрировать их. Характеристике вводимых в научный оборот новых

нетрадиционных подходов, по-видимому, надлежит уделять существенно большее внимание: их суть должна быть прояснена, а выбор обоснован, поскольку они являются не бесспорной исходной аксиомой, а результатом определённого и притом достаточно сложного мыслительного пути, проделанного историками. Пока нет этих объяснений и аргументации, нет и никакого серьёзного повода ожидать исследовательских открытий в области истории последнего царствования, ибо остаётся непонятным, в каком же направлении и на каком основании мы рассчитываем их совершить.

Более того, бытующее теперь представление об очевидности дефектов, присущих сочинениям о последнем российском венценосце, освобождает современных исследователей от сущностной критики путей их постоянного воспроизводства и закрепления, изначально ориентируя не столько на понимание сложившейся традиции изучения и оценки личности Николая II, сколько сразу на противопоставление себя ей, на исключительное право сделать первый шаг в ликвидации вопиющих ошибок прошлого и восполнении зияющих пробелов настоящего. Однако этот способ историографического анализа отнюдь не нов, и представители тех самых якобы принципиально отвергнутых за несостоятельность исследовательских подходов практиковали его в полной мере. Полагая друг друга за «казённых советских историков» или «чернильных наймитов антисоветского промысла», они не только обвиняли оппонентов как раз в идеологизации и политизации исторических изысканий, но и активно декларировали своё стремление к объективности в оценке последнего самодержца.

Главная новация современной историографии на этом фоне лишь в том, что она объявила банкротство претензий на объективность обеих противоборствовавших сторон сразу, чтобы вслед за тем выдвинуть подобные уже от своего имени. Но что же предлагается ею в качестве гаранта от повторения ошибок прошлого? Только одно: «Профессиональная честность, ответственность историка могут и должны помочь в освобождении от излишней политизированности», – уверены исследователи, расценивая именно «научную добросовестность» работы как главное необходимое ей достоинство. Однако помимо того, что совсем отказывать предшествующим поколениям учёных в «профессиональной честности» вряд ли возможно, следует обратить внимание и на другое обстоятельство: такой фактор как «профессиональная честность» или «научная добросовестность» способен удержать историка лишь от преднамеренных проявлений субъективизма, ибо область его влияния – область оторефлектированного.

Преднамеренные искажения исторической истины в угоду чьим-либо политическим интересам критиковались представителями историографии о последнем царствовании практически с момента её появления. Конечно, привлекать внимание исследователей к негативным фактам подобного рода, как это всегда делалось и делается, правомерно и полезно. Но если бы проблема состояла только в них, думается, её давно бы уже решили. В том-то всё и дело, что одного явившегося ныне желания сознательно покончить с идеологизацией и политизацией исторических изысканий о последнем царствовании, решительно порвать с устоявшимися неубедительными суждениями о Николае II или, во всяком случае, значительно их поправить оказалось недостаточно, чтобы построить современные исследования на принципиально новых основаниях. Это значит, что процесс воспроизводства прежних стереотипов в сущности остаётся неконтролируемым и, продолжаясь **помимо** желаний и намерений исследователей, не может быть ни понят, ни нейтрализован в пределах той модели историографического анализа, которая сегодня демонстрируется. Пытаться изменить традиционные формы познания личности Николая II, сразу ограничив их подлежащую преодолению «традиционность» сферой умышленного обмана и порицая их очевидные даже для

«невооружённого глаза» недостатки, не значит уяснить суть этих прежних форм познания или, тем более, найти и применить к предмету новые.

Вот почему задача историографа в этой связи будет заключаться не столько в том, чтобы воспроизвести бытовавшие и бытующие представления о Николае II и, оценивая степень их достоверности, рассудить, где именно и с каким расчётом исследователи вводят читателя в заблуждение, сколько в том, чтобы выяснить, посредством каких логических процедур эти представления на протяжении вот уже больше века создаются. И особого исследовательского внимания заслуживают как раз те из них, которые пользователями хотя и применялись, но не осознавались, или, во всяком случае, не прояснённым оставалось их реальное влияние на конечный результат исследования.

Цель исследования. Цель настоящего исследования обусловлена не только минимальной, явно недостаточной историографической изученностью российской исторической литературы об императоре Николае II, но и её непростым современным состоянием. Цель эта заключается в том, чтобы, учитывая имеющийся в исторической науке опыт критического исследования накопленной по теме литературы, дать развёрнутый анализ отечественной историографии о последнем самодержце.

Задачи исследования. Реализация такой цели возможна на путях решения ряда исследовательских задач:

- Рассмотреть содержание и особенности записок современников последнего царствования, в тексте которых имеются сообщения о личности и государственной деятельности императора Николая II или даётся его оценка.

- Определить основные крупные этапы в развитии отечественной традиции осмысления истории последнего царствования, а внутри каждого этапа – основные сформировавшиеся в ходе этого осмысления концепции, представляющие императора Николая II как государственного деятеля. На конкретном историографическом материале поэтапно раскрыть содержание этих концепций и проследить историю их формирования, их эволюцию и идейную преемственность между отдельными из них.

- Обозначить и проанализировать логический механизм, то есть механизм работы человеческого сознания, продемонстрированный исследователями разных эпох и приводивший их к созданию того или иного образа императора Николая II, к той или иной оценке последнего самодержца в качестве государственного деятеля. Причём совершенно необходимо выявить те стороны этого механизма, которые не были достаточным образом эксплицированы в изучаемых текстах – «естественные» ценности и мыслительные привычки, присущие исследователям, применявшийся ими алгоритм постановки вопросов и поиска их решений, установленные принципы источниковедческого анализа и отбора годного для работы материала, допустимые способы аргументации и т.п.

- Сопоставить основные наработанные в отечественной историографии концепции, представляющие императора Николая II в качестве государственного деятеля, и выделить общие для всех, повторяющиеся их черты. Установить причины, которые определяют устойчивый самовоспроизводящийся характер этих наиболее типичных черт.

- Наметить одну из возможных перспектив обновления исторического изучения личности и государственной деятельности последнего самодержца.

Источниковая база исследования. Источниковая база настоящего исследования представлена комплексом разнообразных исторических и историографических источников. Историографические источники настоящего исследования могут быть сгруппированы следующим образом:

А) Научная литература, различающаяся не только по жанрам (монографии,

брошюры, статьи, авторефераты диссертаций), но и по характеру (те работы учёных, которые посвящены специальному рассмотрению темы, и те их труды, в которых тема затрагивается лишь попутно, в связи с освещением других сюжетов) и происхождению (научные произведения, изданные в советское и постсоветское время, в эмиграции).

Б) Публицистическая литература, которая в настоящем исследовании рассматривается в качестве именно историографического источника. Такой подход представляется вполне правомерным: публицистика часто отражает не только общественные настроения, но и основные тенденции развития исторической науки и, как показывает настоящее исследование, оказывается во многом сходной с профессиональной историографией в плане тех принципов, согласно которым выстраивается представление о личности и государственной деятельности императора Николая II. Подобно научной литературе публицистическая может быть подразделена по жанрам (брошюры, статьи, карикатура, иногда – художественные произведения в виде сказок, стихов, романов), характеру (работы, посвящённые специальному рассмотрению темы, и затрагивающие её мимоходом) и происхождению (дореволюционная, советская, эмигрантская, современная).

В) Учебная литература, которая связана с научной: строясь с учётом новых достижений исторической науки, она, таким образом, не только изменяется вместе с её развитием, но и отражает процесс этого развития.

Г) Записки (дневники и воспоминания) современников последнего царствования, на страницах которых отразились многие характерные тенденции исторического сознания того времени, не всегда находившие себе место в подверженных жёсткой цензуре публицистических сочинениях. Думается, что указанное обстоятельство позволяют рассматривать записки не только как исторический, но и как историографический источник.

Д) Биографические материалы, отражающие жизненный и творческий путь отечественных авторов, учёных и публицистов, осуществлявших изыскания в области истории последнего царствования.

Необходимо отметить, что для каждой российской исторической эпохи характерен особый набор создаваемых историографических источников, к которым сегодня и приходится в основном обращаться, уделяя значительное внимание публикациям внеученого происхождения.

Для полноценного анализа и проверки выводов, предложенных отечественной историографией последнего царствования, в диссертационном исследовании был использован комплекс разнообразных исторических источников, которые можно подразделить на следующие группы:

А) Официальные документы – законодательные акты, исходившие от верховной власти в годы последнего царствования; тексты международных договоров, подписанных тогда Российской империей.

Б) Делопроизводственные документы – текущая документация по различным вопросам государственной жизни, которой Николай II обменивался с подчинёнными и которая представлена с одной стороны в виде отчётов, донесений, докладов и записок, поступавших на высочайшее рассмотрение, а с другой – в виде резолюций, рескриптов и другого рода письменных указаний, выражавших реакцию самодержца на содержащиеся в поступавших к нему документах предложения; стенограммы и протоколы заседаний высокопоставленных гражданских и военных чинов, нередко проходивших под председательством самодержца.

В) Документы личного происхождения – дневники, воспоминания и письма современников Николая II, в том числе дневник самого императора и его обширная переписка с множеством адресатов.

Методологические основания исследования. Методологическим основанием настоящего исследования послужил принцип историзма, согласно которому ни сам человек, ни его интеллектуальная деятельность, ни результаты последней не должны рассматриваться вне связи с конкретно-историческими условиями современного им этапа общественного развития. Представляется, что этот вроде бы общепризнанный принцип исторического и историографического познания требует в рамках темы более последовательной реализации, поскольку при анализе литературы об императоре Николае II обычно недооценивается: одно дело считать теперь ошибочными те или иные аспекты исследовательской работы предшественников, и совсем другое – сводить к ошибочности, причём – очевидной, всю её смысловую полноту, как это обычно делалось и делается.

Среди использовавшихся исследовательских методов необходимо отметить метод классификации, направленный на вычленение отдельных этапов развития отечественной историографии о последнем царствовании, а внутри этих этапов – крупных концептуальных заключений о личности и государственной деятельности последнего самодержца; историко-генетический метод, направленный на анализ развития историографического процесса; историко-системный метод, направленный на рассмотрение каждого отдельного этапа историографического развития в качестве целостной структуры; историко-сравнительный метод, направленный на выявление индивидуальных и повторяющихся черт, свойственных историографической практике разных эпох; проблемно-хронологический метод, направленный на выявление основных тенденций в освещении и объяснении конкретных государственных мероприятий императора Николая II.

Хронологические рамки исследования. Хронологические рамки настоящего исследования охватывают весь продолжительный период существования историографии последнего царствования с момента её зарождения в конце XIX в. до наших дней, открывающих XXI в.

Структура исследования. Структура настоящего исследования продиктована поставленными перед ним целью и задачами. Основная часть работы содержит три главы, первая из которых посвящена анализу представлений современников Николая II о его личности и государственной деятельности, а вторая и третья – анализу подобных представлений, бытовавших и бытующих после смерти императора.

Новизна исследования. Настоящее исследование представляет собой первый опыт обобщения и анализа отечественной исторической литературы об императоре Николае II, по большому счёту практически не изучавшейся до сих пор ни целиком, ни частично. Причём в этом историографическом комплексе впервые в равной степени заняли своё место работы российских дореволюционных и советских авторов, представителей российского зарубежья, а также многочисленные новейшие публикации. Самостоятельную роль в настоящем исследовании играет составленная автором библиография исторической литературы о последнем самодержце. На сегодняшний день это самая полная библиография по теме. В ней учтены сочинения дореволюционных, советских и современных учёных и публицистов, а также работы представителей российской эмиграции и ряд переводных изданий.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во **введении** определяются актуальность избранной темы исследования, его предмет и объект, анализируется состояние научной разработанности, формулируются цель и задачи диссертации, даётся характеристика её теоретико-методологических основ, историографических и исторических источников, обосновывается её структура.

Первая глава «Император Николай II как государственный деятель в восприятии

современников» состоит из трёх разделов.

В первом разделе «Образ последнего самодержца в записках отечественных авторов» показано, что император Николай II стал объектом пристального внимания со стороны современников ещё будучи наследником престола, с началом же последнего царствования оценивающий интерес к его персоне ещё более возрос, и самодержец оказался едва ли не центральной фигурой многочисленных записок (дневников, а затем и воспоминаний) участников российской истории конца XIX – начала XX вв.

Если классифицировать комплекс созданных ими записок, в тексте которых имеются сообщения об императоре Николае II, согласно происхождению и социальному положению авторов, то наиболее обширные группы этого комплекса принадлежат перу представителей царствующего дома Романовых (великие князья Александр Михайлович, Андрей Владимирович, Гавриил Константинович и др.), высокопоставленных гражданских, военных и придворных чинов или их близких (А. Богданович, С. Витте, В. Воейков, Ю. Данилов, А. Извольский, В. Коковцов, П. Курлов, А. Мордвинов, А. Мосолов, А. Половцов, Е. Святополк-Мирская и др.), общественно-политических деятелей (Ф. Головин, А. Керенский, А. Кони, П. Милуков, Б. Никольский, М. Родзянко, Л. Тихомиров и др.), представителей российской культуры (А. Бенуа, С. Минцлов, А. Суворин и др.) Если же проводить классификацию записок согласно политическим взглядам их авторов, то среди последних преобладали поборники самодержавной монархии и сторонники её более или менее радикального реформирования. Примечательно, однако, что вне зависимости от своего происхождения, социального положения и политических взглядов большинство мемуаристов оценивало монарха предельно критически, представляя его слабым, неспособным к решению государственных задач правителем.

Эта однозначно отрицательная оценка обнаружила себя до всех сколько-нибудь крупных социально-политических катаклизмов последнего царствования (то есть ещё в конце XIX в.) и была напрямую связана с распространявшимся в обществе тревожным чувством агонии империи, её быстро приближающегося краха. Упрочиваясь по мере нарастания грозных событий, это чувство стимулировало как острое недовольство проводимым с престола политическим курсом, так и недоверие к его творцам, прежде всего – к самому монарху, считавшемуся главным виновником происходящих катаклизмов. Между тем, если неверие в способность Николая II урегулировать создавшуюся в России ситуацию объединяло его современников, то представления о том, как императору следовало вести дело, в российском обществе были разными. Одни (великие князья Александр Михайлович и Константин Константинович, А. Богданович, Б. Никольский, Л. Тихомиров и др.) находили предпочтительной активизацию действий, направленных на сохранение и укрепление самодержавия, нещадно критикуя самодержца за неумение организовать решительный отпор революции. Другие (великий князь Николай Михайлович, Ф. Головин, С. Минцлов, Е. Святополк-Мирская и др.) предлагали прямо противоположный политический план, предусматривавший выход из создавшегося положения путём значительных уступок общественному движению, причём те из них, которые последовали в 1905 г., представлялись совершенно недостаточными для ликвидации разразившегося в стране кризиса. Крушение Российской империи каждая из сторон рассматривала в качестве подтверждения собственной политической правоты и, следовательно, несостоятельности Николая II как государственного деятеля. Это обстоятельство послужило продолжению его критики в мемуарной литературе, однако, никаких принципиально новых критических соображений по сравнению с дневниками в ней высказано не было.

В прежнем русле протекало и обсуждение тех причин, которые могли побудить

Николая II упорно придерживаться избранного им непопулярного политического курса, причин, которых его современники уже давно пытливно доискивались. Они искали и находили эти причины в совокупности присущих монарху личностных качеств, а точнее – личностных недостатков. Правда, единодушия в этом отношении среди авторов записок никогда не было: ум императора, уровень его образованности, умение подбирать помощников, принимать волевые решения и т.п. качества оценивались ими крайне неоднозначно, зачастую – прямо противоположным образом. И хотя подобная неоднозначность была характерна даже для круга близких к престолу людей, лично знавших Николая II и сотрудничавших с ним, можно отметить одну любопытную закономерность: чем дальше от трона находились авторы дневников или воспоминаний, тем более жёсткие оценки в адрес его коронованного обладателя они высказывали.

Главным существенным новшеством мемуарной литературы стало другое – именно после революции 1917 г. появляются труды, создатели которых высоко оценивали последнего самодержца не только как человека, но и как государственного деятеля, возлагая всю вину за произошедшие с Россией несчастья на «образованное общество» (такая мысль присутствует в воспоминаниях П. Курлова, А. Мордвинова, С. Фабрицкого и др.) Вот почему невозможно согласиться с утверждениями некоторых историков (например, В. Архипенко, К. Шацлло) о том, что Николай II получил единодушную суровую оценку своих современников, или тем более рассматривать это мнимое единодушие как аргумент в пользу справедливости суровых оценок.

Во втором разделе «Первый опыт анализа государственной деятельности императора Николая II в дореволюционной отечественной публицистике» отмечается, что первые предназначенные для широкой читательской аудитории сочинения о последнем самодержце стали появляться практически сразу же по его воцарении и носили публицистический характер. Постепенно увеличиваясь, число подобных публикаций особенно возрастало в связи с отдельными российскими событиями государственной важности (коронация, революция 1905-1907 гг., трёхсотлетний юбилей династии Романовых и т.п.) Условия существования российской печати были, однако, таковы, что не позволяли открыто обсуждать или тем более осуждать личностные качества и политические мероприятия императора на страницах легальных общедоступных изданий. Поэтому наряду с официальной монархической публицистикой до революции сформировался целый комплекс либеральных и революционных публицистических работ, посвящённых критике последнего самодержца, но опубликованных в России нелегально или только за границей.

Каждая из этих групп, то есть монархически, либерально и революционно настроенных публицистов, создала собственный образ императора Николая II. В легальной российской печати культивировался его официальный образ – образ заботливого «царя-батюшки», не только неустанно пекущегося об обеспечении интересов России и её народа, но и обладающего для их реализации всеми необходимыми личностными достоинствами (эта точка зрения прослеживается в работах Е. Богдановича, Д. Дубенского, А. Елчанинова, Д. Ломана и др.) Что касается либеральной и революционной публицистики (представителями которой помимо многих анонимных авторов можно считать В. Обнинского, С. Циона, Д. Шаховского и В. Бурцева, О. Ерманского, В. Ленина, Л. Троцкого соответственно и др.), то выработанные в ней представления о последнем самодержце во многом совпадали. Прежде всего, совпадала общая резко отрицательная оценка его государственной деятельности, которая расценивалась как руководство внешне- и внутривнутриполитической реакцией, попытка сознательно воспрепятствовать развитию страны и даже повернуть его вспять. Но причины, побуждавшие монарха придерживаться этого абсолютно

недопустимого, с точки зрения оппозиции, политического курса, либералы и радикалы видели по-разному. Первые в основном находили их в личностных недостатках Николая II (неумении оценить обстановку, безволии, политическом эгоизме и т.п.), полагая, что обладай император необходимыми личностными качествами, история России двинулась бы в совершенно ином направлении. Вторые же помимо этого личностного фактора, который признавали, но решающим не считали, нередко указывали и на более существенный двигатель политики российского престола – классовые интересы его обладателя, заключавшиеся в сохранении привилегий российского дворянства (или вообще разного рода толстосумов), а вместе с ними и своих привилегий, в первую очередь – неограниченной царской власти, материальных богатств.

Новорождённая отечественной историографии последнего царствования предложила, таким образом, три различных образа императора Николая II. Но механизм создания столь по-видимому разных концептуальных и конкретных заключений о последнем самодержце, исходивших из разных, даже враждебных политических кругов, был у дореволюционных публицистов одинаковым. Их суждения о монархе зависели прежде всего от свойственных им представлений о том пути развития России, на котором она могла добиться наибольшего общественного прогресса и по которому ей, таким образом, следовало бы идти. Эти представления о прогрессе, которые были лишь субъективной оценкой объективной исторической реальности, невольно выдавались за свойство самой этой реальности, «требовавшей» от главы государства определённых политических решений. В результате, личность и деятельность последнего самодержца интересовали авторов лишь на предмет их соответствия этому прогрессивному пути, причастности к его реализации.

Монархисты, связывавшие все свои надежды на лучшее будущее страны с укреплением самодержавия, стремились представить личность и государственную деятельность самодержца в свете необыкновенной пользы, принесённой им российскому государству и российскому народу на пути укрепления российской монархии. И хотя несомненно, что правые признавали и многочисленные личностные недостатки монарха, и промахи в его политической практике (это зафиксировано в их дневниках, переписке, мемуарах), открыто критиковать эти изъяны они отказывались, следуя далеко не только цензурным соображениям или соображениями личной выгоды, в чём их нередко упрекали современники. Они не делали этого в первую очередь потому, что в государственном масштабе монарх являл собой не просто конкретного человека, а незаменимую часть монархического государственного механизма – залога жизнеспособности России, подрывать который своими критическими выпадами монархисты считали совершенно недопустимым, ставящим под удар всю российскую будущность. В противоположность им либералы и радикалы указывали на реформирование или полный слом российского самодержавия соответственно как на более перспективный политический выбор, способный ускорить продвижение страны по пути исторического развития. Император Николай II, препятствовавший не только проявлениям революции, но и осуществлению крупных социально-политических преобразований, закономерно рассматривался оппозиционной средой как оплот ретроградства, как скудоумный государственный деятель, которому оказалось не под силу постичь ни своего положения, ни логики исторического развития страны. Регистрация исторической реальности и здесь, в либеральной и радикальной дореволюционной публицистике, была органично совмещена с определённой её оценкой, предопределявшей в конечном итоге процесс и результат накопления исторических знаний об императоре Николае II, различные предлагавшиеся его образы.

Таким образом, современные рассуждения об очевидной политизации

представлений о последнем самодержце в российской публицистике конца XIX – начала XX вв. практически заслоняют собой тот факт, что логический механизм их формирования не только значительно сложнее, но и требует к себе повышенного исследовательского внимания, поскольку, не будучи осознанным, он может практиковаться сколь угодно долго, препятствуя подлинному обновлению исторического познания и его результатов. Этот механизм состоял не столько в продиктованной какими-либо политическими или корыстными соображениями фальсификации исторического знания, сколько в его **аксиологизации**. Будучи присущ как публицистам того времени, так и авторам записок, такой логический механизм позволял выстраивать различные конкретно-исторические представления о последнем самодержце одинаковым мыслительным путём.

В третьем разделе «Отечественная историография 1917 г.: подведение итогов царствования императора Николая II в революционной России» указывается, что в связи с победой Февральской революции цензурная ситуация в стране резко изменилась: официальная публицистика безвозвратно утратила свои позиции, а те, кто ещё недавно был гоним, на этих позициях укрепились, приступив среди прочего к открытому разоблачению, а часто и осмеянию последнего самодержца. Критическое обсуждение его личности и государственной деятельности после краха династии Романовых не утратило своей актуальности, напротив, оно рассматривалось публицистами как посильная помощь делу революции, как оперативная и действенная профилактика идей монархической реставрации. Вместе с тем необыкновенная скоротечность, с какой тысячелетний монархический режим сошёл на нет, повлияла на публицистов не самым лучшим образом. Некоторое «головокружение от успехов» и сознание грядущих грандиозных свершений России на пути исторического прогресса заставляли рассматривать Николая II как полное ничтожество и в личностном, и в политическом смысле. Как таковая эта идея появилась ещё до революции и нашла особенно яркое выражение в дневниках и переписке, в меньшей степени – в публицистике, на страницах которой отнюдь не доминировала или, по крайней мере, не заслоняла того обстоятельства, что император является серьёзным политическим противником. Теперь же она приобрела именно ведущее положение, стирая былую разницу между либеральной и радикальной публицистикой, объединяя авторов с разными общественно-политическими умонастроениями и разными дальнейшими судьбами (Ф. Арбатский, Л. Жданов, О. Измайлович, С. Медведев, С. Мельгунов, В. Сыроечковский и др.)

Непосредственная убедительность прогрессистской аксиомы, принуждавшей своих адептов оценивать наступившую историческую эпоху как самую передовую, ещё более укрепляла прежнюю неявную предпосылку рассуждений о последнем самодержце. Его государственная деятельность и задействованные в ней личностные качества интересовали публицистов только с точки зрения их соответствия прогрессивному ходу истории, представление о котором всегда субъективно. Не замечая этого присоединения собственных оценок к фактам объективной исторической действительности, авторы любые расхождения между деятельностью императора и своим представлением о прогрессивной политической практике воспринимали как уродливое отклонение от нормы, установленной самой жизнью. Фиксация этих расхождений и поиск объяснения для них (в 1917 г. на язык чаще всего попадал как раз «полный кретинизм» царя) исчерпывал процесс понимания его личности и государственной деятельности, о качественном изменении которого, таим образом, говорить не приходится. Тот факт, что этот подход безболезненно пережил российскую революцию, заставляет не только обратить повышенное внимание на первые шаги отечественной историографии последнего царствования, но и предполагать его

присутствие на последующих этапах её развития, прежде всего в исторических трудах советских и эмигрантских учёных и публицистов.

Вторая глава «Государственная деятельность императора Николая II в изображении советской и эмигрантской исторической науки и публицистики» состоит из двух разделов.

В первом разделе «Государственная деятельность императора Николая II в изображении советской исторической науки и публицистики» обосновывается мысль, что многочисленные критические суждения, которые высказываются сегодня о советской историографии последнего царствования, по меньшей мере не вполне отвечают советской историографической действительности.

Прежде всего, для неё далеко не всегда была характерна та идейная монолитность, воспринимаемая теперь как непрменный атрибут отечественной исторической науки и публицистики после октября 1917 г. В 1920-х гг. такого единообразия они ещё не знали, и свободно обсуждался не только уровень государственных способностей Николая II, но и, как ни странно, даже жизнеспособность российской монархии, причины её крушения (например, в работах И. Василевского, С. Любоша). Лишь к началу 1930-х гг. классический для советской историографии образ «первого помещика» Николая Романова, кровавого защитника классовых интересов дворянства и верховного предводителя внешне- и внутривластной реакции, обречённого на политический крах, вытеснит все иные интерпретации и в главном будет оставаться неизменным вплоть до перестройки (этот далеко не новый образ, сформулированный ещё в дореволюционной радикальной публицистике, нашёл последовательное воплощение в трудах Н. Ерошкина, М. Касвинова, М. Покровского, Б. Романова, В. Семенникова, Н. Фирсова и др.)

Во-вторых, идеологизация и политизация советского исторического знания, справедливо отмеченные современными исследователями, едва ли зависели только от воцарившегося в стране «идеологического диктата КПСС», на который ныне определённо указывают как на главную, а часто и единственную причину создавшегося в советской историографии удушливого положения. Это означало бы, однако, что образ Николая Кровавого искусственно привит советскому обществу под влиянием «сверху», что он возник и сформировался против воли советских историков, хотя и при их вынужденном содействии. Между тем исторические и историографические факты позволяют утверждать как раз обратное: советские учёные и писатели сполна разделяли те кровавые характеристики, которыми они наделяли последнего самодержца.

Подлинный механизм формирования советского исторического знания был более сложным, нежели чем преднамеренное искажение исторической истины в угоду тем или иным партийным установкам, сегодняшние рассуждения об исключительной роли которых лишь закрывают нам путь к пониманию этого механизма. Вместе с тем было бы неправильно свести его и к намеренному потаканию собственным – не навязанным, а сознательно принятым – идеологическим и политическим убеждениям, характерным для советских исследователей. Если у некоторых авторов такое стремление и присутствовало, то по большому счёту оно делало процесс идеологизации и политизации исторического познания только более зримым и грубым, тогда как предопределяла его та логика исследовательских рассуждений, которая была продемонстрирована представителями советской историографии вслед за представителями историографии дореволюционной. Государственная деятельность последнего Романова продолжала интересоваться и освещаться исследователями лишь постольку, поскольку она в их глазах содействовала или, как в данном случае – препятствовала, прогрессивному течению российского исторического процесса, то есть прежде всего прогрессивным изменениям в политическом строе Российского

государства. Шкала личных социально-политических ценностей историка начинала играть ключевую роль не только в определении значимых фактов государственной деятельности Николая II, достойных исторического рассмотрения, но и в самой их интерпретации. В соответствии с этой шкалой наиболее существенными и показательными для советских исследователей стали факты, подтверждавшие активное участие императора в борьбе с оппозиционным российским движением и его скептическое отношение к собственным реформаторским начинаниям. Попадая в исследовательские руки, эти факты политической биографии последнего самодержца приобретали характер **объективно** вредоносных для России явлений и могли рассматриваться уже только как ожесточённое противодействие прогрессивным тенденциям развития страны, отказ осуществлять её модернизацию, пренебрежение её интересами и т.п.

Поиск же классовой подоплёки этого неоправданного политического курса служил объяснением прежде всего тому, почему император принимал такие государственные решения, с правомерностью которых советские авторы никак не могли примириться.

Полемизируя с российским зарубежьем, советские исследователи принципиально противопоставляли собственные заключения сделанным там выводам и оценкам. Анализ исторических трудов о последнем самодержце, предпринятых представителями российской эмиграции показывает, однако, что в этом противопоставлении присутствовала лишь поверхностная правда.

Во втором разделе «Государственная деятельность императора Николая II в изображении эмигрантской исторической науки и публицистики» отмечается, что формирование эмигрантской историографии последнего царствования началось уже в годы гражданской войны. Центральной темой, вокруг которой эта литература о последних Романовых возникла, а в дальнейшем развивалась, стала участь царской семьи, постигшая её в революционной России.

Примечательно, что многие вчерашние критики монарха на чужбине значительно смягчили свои суждения о нём (В. Бурцев, С. Мельгунов, Г. Иванов). Здесь же впервые был поднят вопрос о его канонизации, причём представители православной церкви сыграли большую роль и в становлении историографии последнего царствования (митрополит Анастасий, протопресвитер М. Польский, игумен Серафим и др.) Священнослужители не стали сторониться обсуждения сугубо политических аспектов российской истории конца XIX – начала XX вв. и наряду с представителями светской эмигрантской историографии не только оплакивали трагическую судьбу царской семьи, но и ожесточённо критиковали негативные высказывания о политике и государственных способностях Николая II.

В противоположность своим советским оппонентам публицисты и историки российского зарубежья видели в императоре дальновидного и проницательного политика, самоотверженно служившего интересам России и её народа, а не какого-то отдельного класса, и обладавшего всеми необходимыми личными качествами, чтобы эти интересы реально обеспечивать (такая точка зрения отражена в работах Е. Алферьева, В. Иванова, С. Ольденбурга, Н. Павлова, Н. Пушкарского, В. Свечина, К. Сычова, Н. Языкова и др.) Необходимо отметить, что эти оценки разделяла не вся российская эмиграция. Скорее, они были характерны именно для её историографии о последнем самодержце, тогда как сама эмигрантская «общественность» во многом сохранила те критические воззрения, которыми российская либеральная интеллигенция славилась до революции и которые теперь, после неё, нашли выход прежде всего в эмигрантской мемуаристике.

Переоценка личности и деятельности Николая II, приведшая многих авторов-эмигрантов к умозаключениям, характерным для дореволюционной официальной

публицистики, составляла лишь часть более глобальной мыслительной работы – работы по переоценке альтернатив исторического развития России, появившихся у страны в конце XIX – начале XX вв. Революционная альтернатива российской истории, представлявшаяся некогда прогрессивной, способствующей установлению в России конституционного режима, после Октября 1917 г. и сопряжённого с ним массового отъезда в эмиграцию утратила своё былое обаяние. Правда, значительная часть эмигрантов сочла непредвиденный исход российской революции «возмездием за грехи старого режима» – результатом консервативной политики Николая II, подготовившей социальный взрыв чудовищной силы. Однако среди эмигрантов были и те, кто извлёк из революционных событий другие уроки, уверившись, что реальная опасность грозила правильному развитию России не справа, а слева – именно со стороны революции.

Таким образом, понимание личности и деятельности последнего самодержца в очередной раз попало в зависимость от оценки того исторического пути, который наша страна проделала с конца XIX в. В результате эмигрантская историография находила существенными для понимания государственной деятельности последнего самодержца несколько иные (по сравнению с советской историографией) факты, а те, которыми в доказательство своей точки зрения оперировали советские историки, расценивала совершенно иначе. Так, всегда привлекавшая внимание эмигрантской исторической науки и публицистики отчаянная борьба императора с политической оппозицией, его упорное противодействие политическому реформированию России рассматривались здесь отнюдь не как проявление дремучей антинародной реакции и политической близорукости, а как свидетельство заботы о будущем страны и необыкновенной государственной прозорливости. Весомым аргументом в пользу этого вывода виделся и курс социально-экономических преобразований, осуществлявшийся в царствование Николая II и отвечавший, как представлялось, интересам развития страны. И даже если бы авторы не считали своё представление о состоянии императорской и советской России единственно правильным, они невольно соотносили с этим своим представлением государственную деятельность Николая II, выясняя насколько монарх содействовал или препятствовал реализации заветной предпочтительной альтернативы исторического развития нашей страны.

Подобный «сравнительный» подход практиковали и советские, и эмигрантские авторы, и сторонники, и критики самодержавия, разницу в данном случае составлял лишь сам искомый образец политического поведения, которого последнему самодержцу должно было бы, по мысли авторов, придерживаться. И если в эмигрантской исторической литературе констатировалось его неукоснительное соблюдение (император боролся с разрушительными общественными силами), а советская, напротив, – утверждала обратное (император боролся с прогрессивными общественными силами), то главное, что Николай II был одинаково интересен их представителям лишь постольку, поскольку его деятельность была значима с точки зрения такого образца. Таким образом, здесь важно не столько то, с чем по ходу исследования соотносилась личность Николая II, сколько сама природа соотношения, всегда имевшая характер аналогии и невольно уподоблявшая монарха автору. Такой подход к делу не учитывает того обстоятельства, что сам он жил и работал в соответствии, может быть, с совершенно иной системой ценностей, что игнорируя её вероятное существование, исследователи лишают себя не только необходимости, но и возможности её целостного изучения, поскольку она могла рассматриваться ими только как повторение или извращение собственной. Никакого оригинального и даже просто самостоятельного способа восприятия и осмысления настоящего, реакции на разворачивавшиеся события у носителей верховной власти такая точка зрения не предусматривала, ибо изначально за ней стояло убеждение, что всё то, что видно и

понятно автору, может быть только тем же принципиальным образом увидено и понято Николаем II.

Поскольку его государственные мероприятия представлялись эмигрантской историографии последнего царствования правомерными, то далее её представителям оставалось лишь указать на такие детерминирующие деятельность императора обстоятельства, которые помогли ему разобраться в непростой политической ситуации, принять верные для страны политические решения. В качестве этих обстоятельств выступал, как правило, целый ряд личностных достоинств императора, включающих его ум, веру в Бога, высокую образованность, верность долгу царского служения, выдержку и т.п.

Третья глава «Современное состояние отечественных исторических знаний о государственной деятельности императора Николая II и возможные перспективы их развития» состоит из двух разделов.

В первом разделе «Государственная деятельность императора Николая II в изображении современной отечественной исторической науки и публицистики» высказывается мнение, что заметное преобразование современной отечественной историографии о последнем царствовании пока ещё не представляет собой значительного и необратимого явления. Неслучайно большинство современных исследователей, посвятивших себя изучению личности и деятельности Николая II, испытывают чувство неудовлетворенности от достигнутых сегодня на этом исследовательском поприще результатов. Представлявшиеся поначалу вполне разрешимыми задачи подлинного обновления наших знаний в этой животрепещущей области оказались не столь простыми. Внешнее раскрепощение исторической науки и публицистики, на которое возлагались большие надежды, само по себе ожидаемого результата не принесло. Следовательно, проблемы, препятствующие перестройке исторического знания, лежат не снаружи, а внутри исследовательского процесса, прежде всего в тех способах и средствах познания прошлого, в соответствии с которыми строится вся исследовательская работа и достигаются её итоги. Как раз их сущностного обсуждения историки последнего царствования сегодня сторонятся, предпочитая сразу приступить к конкретно-историческим изысканиям и обрекая себя тем самым на опасную консервацию прежних правил исследовательской работы.

Это не означает, конечно, что в современной отечественной историографии о последнем царствовании и последнем самодержце не происходит никаких позитивных сдвигов. Они явились в виде постепенно усиливающейся конкретизации наших знаний о его личности и государственной деятельности, очередного существенного расширения источниковой базы, впервые появившейся возможности для свободного обмена мнениями, располагающей историков и публицистов к ведению полезных продуктивных дискуссий.

И всё же эти свершившиеся перемены, их глубину и принципиальность не стоит преувеличивать, ибо наряду с ними в современной отечественной историографии можно обнаружить также и признаки, свидетельствующие о сохранении гораздо более глубокой и принципиальной преемственности в её развитии. Причём едва ли родство былых и нынешних форм изучения личности и деятельности императора Николая II исчерпывается разнообразными проявлениями **преднамеренной** авторской субъективности, которые именно и принято сегодня (как, впрочем, и всегда) критиковать, выдавая за главное препятствие в процессе обновления исторического знания. Это родство, думается, лежит в совершенно иной плоскости – в плоскости **бессознательной** приверженности традициям, которая проявляет себя через тот способ познания прошлого, которым авторы продолжают уже не первое десятилетие пользоваться, – сами логика рассуждений, вопросы к прошлому, механизм поиска

ответов на них, манера обоснования выводов и т.п. атрибуты исследовательского процесса остались фактически неизменны. Прежде всего, изучение последнего российского царствования сохраняет свой аксиологизированный характер. Деятельность императора Николая II продолжает интересовать исследователей лишь постольку, поскольку она в их глазах содействовала или препятствовала прогрессивному течению исторического процесса в России. Понимание направления и сути российского общественного прогресса при этом демонстрируется разное (более или менее постепенное развитие, революция, сохранение статус-кво...), но привычка изучать и оценивать (положительно или отрицательно) деятельность последнего самодержца с точки зрения того, что он сделал и чего не сделал для реализации «предпочтительной» альтернативы развития страны, всё та же.

Закономерно, что все современные интерпретации, касающиеся личности и деятельности последнего самодержца, уходят корнями в далёкое прошлое. Некоторая часть исследователей, как правило – профессиональных историков (например, С. Волк, Ю. Кряжев, К. Шаццлло и др.), после перестройки продолжили работать в рамках идей, характерных для советской историографии. В этой среде последний самодержец по-прежнему рассматривается как классовый лидер разлагающегося российского дворянства, лишённый не только государственных способностей, но и каких-либо значительных положительных качеств вообще и способный лишь на то, чтобы самыми непопулярными и кровавыми средствами защищать свои мелочные интересы. Практически противоположной точки зрения придерживается целый ряд других современных авторов, среди которых присутствуют и учёные, и публицисты (Н. Бонецкая, А. Боханов, Д. Орехов, О. Платонов и др.), в особенности – представители православной церкви. Оставаясь в русле идей, свойственных для официальной дореволюционной публицистики, а затем и значительной части русского зарубежья, они видят в императоре Николае II пример достойного человека, отличавшегося многообразием положительных человеческих качеств, и ответственного государственного деятеля, беззаветно служившего интересам России. Между тем большинство современных исследователей (среди них Б. Ананьич, Р. Ганелин, А. Искендеров, М. Ирошников, Л. Процай, П. Черкасов, Ю. Шелаев и др.) склоняется к иным выводам. Не отказывая Николаю II в обладании рядом личностных достоинств, эти исследователи полагают, однако, что таких достоинств оказалось у монарха всё же явно недостаточно, чтобы в сложившейся политической ситуации принять верные государственные решения и вывести страну из углублявшегося кризиса. Думается, что эта точка зрения сродни той, которая была сформулирована ещё до революции в среде либеральных российских публицистов и которая приписывала безграмотный политический курс последнего царствования более или менее многочисленным личностным недостаткам последнего самодержца.

Внешняя разница между сегодняшними историческими знаниями и историческими знаниями прошлых десятилетий не должна заслонять их принципиального внутреннего сходства. Шкала личных социально-политических ценностей исследователя, историка или публициста, и сегодня играет ключевую роль не только в определении значимых фактов государственной деятельности Николая II, достойных исторического рассмотрения, но и в самой их интерпретации. Для тех, кто сохраняет уверенность в прогрессивном характере российской революции, наиболее существенными являются факты, свидетельствующие о причастности императора к борьбе с российским оппозиционным движением, к торможению и ограничению российского реформаторского процесса, факты, которые не могут рассматриваться ими иначе, нежели чем неоправданная и бесполезная борьба с силами общественного прогресса. Для тех же, кто видит в революционных и последовавших за ними событиях

национальную трагедию, едва ли совместимую с прогрессивными изменениями в стране, важнее установить, что было предпринято Николаем II для её предотвращения, и насколько его действия исчерпали всё то, что он мог и должен был бы в этом отношении предпринять. Причём набор приветствующихся исследователями действий может колебаться между сугубо репрессивными мерами и мерами реформаторского свойства, исключая или сочетая их в зависимости от того, находит ли исследователь обширные государственные преобразования в России конца XIX – начала XX вв. желательными или он считает, что таковые себя не оправдывали (оправдывали лишь в какой-то степени) и были стране не нужны. С этой точки зрения умеренная реформаторская деятельность Николая II вкуче с его непримиримым отношением к политической оппозиции, должны расцениваться (и ныне нередко так и происходит) как проявление необыкновенного государственного ума, предвидевшего и пытавшегося предотвратить многие печальные последствия безудержной преобразовательной политики для России. Если же исследователь связывает эти печальные последствия не столько с переизбытком крупных реформ, сколько с их явной недостаточностью, то действия императора начинают расцениваться как способствующие революционным катаклизмам и потому – не соответствующие интересам российского государства и общества.

Как видно, одни и те же факты политической биографии императора одними исследователями рассматриваются как безусловное доказательство антинародного, реакционного характера его политики, а в глазах других они столь же неопровержимо подтверждают обратное. Происходит это потому, что во всех этих «голых фактах» объективная информация о реальных действиях императора невольно совмещена с авторскими представлениями о наиболее выгодных перспективах и возможностях развития страны в годы последнего царствования, о приемлемости последующего этапа её истории и т.п. вещах, подверженных периодическим изменениям и пересмотрам. Эти весьма и весьма относительные представления об общественном прогрессе незаметно вкрадываются и пропитывают содержание таких ключевых для российской истории конца XIX – начала XX вв. понятий как «самодержавие», «революция», «реформы», «конституция» и т.п., которыми исследователи оперируют, но в которых констатация объективных исторических явлений по-прежнему намертво сопряжена с той или иной их индивидуальной оценкой.

Между тем обусловить изучение последнего царствования собственными оценками российского исторического процесса, значит рассматривать личность и деятельность последнего самодержца сквозь призму чужого, несвойственного для него жизненного и исторического опыта, игнорируя принцип историзма. Неудивительно, что исследователи последнего царствования по-прежнему понимают и принимают Николая II лишь как надёжного союзника или активного противника своих представлений об общественном благе и только в таком качестве его и рассматривают, указывая на те или иные причины, побудившие монарха отклониться от намеченного автором политического курса или последовать ему. По большому счёту все эти причины уже неоднократно в прошлом назывались и обсуждались – личностные достоинства и недостатки последнего Романова, его классовые интересы, влияние самодержавных государственных традиций и т.д.

Задача исторической науки, думается, состоит именно в том, чтобы найти и реализовать такие исследовательские подходы, которые бы позволяли понять государственную деятельность Николая II как своеобразный способ осмысления и реакции на российские и мировые реалии конца XIX – начала XX вв., один из целого ряда возможных, равноправный со всеми другими, а не только правильный или ошибочный.

Во втором разделе «Возможные перспективы развития отечественных исторических знаний о государственной деятельности императора Николая II» рассматриваются различные интерпретации конкретных государственных мероприятий последнего самодержца в области внешней и внутренней политики, и намечается один из возможных путей их обновления.

Чтобы достичь сегодня принципиально новых исследовательских результатов, может быть, следовало бы сформулировать задачу исторической науки следующим образом: необходимо найти такой исследовательский путь, который позволит увидеть в государственной деятельности императора не возмутительное отклонение от спроектированного исследователем её идеального образца или, напротив, его меткое воплощение, а самостоятельное образование, обладавшее своими, может быть, принципиально иными логикой и структурой, и двигавшееся иной системой ценностей. Прямо противоположным в этом случае будет метод исторической науки: традиционная неявная предпосылка исследовательских рассуждений, будто мышление самодержца тождественно мышлению исследователей его личности, потребует замены. Один из возможных здесь путей – предварительно установить разницу между ними, распространив принцип историзма на основные понятия политического лексикона императора (самодержавие, революция, конституция, национальный вопрос и т.д.), а значит, и на его сознание. Сделать это невозможно без разделения ценностной и рациональной структур мировосприятия, присущих каждому конкретному исследователю, совмещение которых в ходе исторического познания приводит к аксиологизации его результатов.

Первые, далеко ещё не совершенные попытки реализации подобного подхода в практике конкретно-исторического исследования позволяют сделать ряд выводов, характеризующих последнего самодержца в качестве государственного деятеля. Проводимая в годы последнего царствования внешняя политика не была, думается, ни агрессивной, стимулировавшей развязывание международных конфликтов, ни миролюбивой, нацеленной на установление «вечного мира», как на то нередко указывали и указывают. Её стратегия, воплотившаяся в ряде конкретных мероприятий (Гаагские инициативы, торможение раздела Турции и Китая, русско-французские, а затем и русско-германские оборонительные договорённости, впоследствии – поиск соглашения с Великобританией...), предполагала отсрочку крупных дипломатических и военных потрясений, но эта отсрочка должна была продлиться лишь до тех пор, пока она была выгодна России, пока не было полной уверенности в благоприятном исходе намечавшихся столкновений, вся опасность и трудность которых вполне императором сознавались. Вместе с тем Николай II не намеревался придерживаться подобной примирительной стратегии путём снижения российской внешнеполитической активности или уступок другим державам каких-либо существенных преимуществ, полагая, что этот путь как раз и чреват для России международными осложнениями. Царским престолом была избрана иная – не наступательная, но неуступчивая – тактика, рассчитанная не только на активное использование периодически представлявшихся ситуаций, подталкивавших к различным внешнеполитическим приобретениям, но и главным образом на то, чтобы проявленной твёрдостью заставить соперников либо совсем отказаться от намеченных целей, либо так или иначе поделиться с Россией предполагавшимися внешнеполитическими барышами (сопротивление присутствию Японии на евразийском континенте в 1895 г., проект захвата Босфора в 1896 г., захват портов в Китае, участие в подавлении «боксёрского» восстания, деятельность «безобразовцев»...) После проигранной русско-японской войны, ознаменовавшей собой неудачу этой тактики, прежний стратегический курс российской внешней политики не изменился, значительно корректировать пришлось именно способы его

реализации в сторону большей пассивности.

Что же касается внутренней политики, то залогом её успешности представлялось Николаю II сохранение самодержавной государственной системы. Причём базировалось это представление не на бессознательной нерассуждающей вере, как часто принято думать, а на рациональном политическом расчёте. Рассчитывая на эффективность самодержавия не только в качестве гаранта целостности многонационального российского государства, но и в качестве скрепы самой русской нации, подтачиваемой внутренними противоречиями, император, таким образом, отчётливо формулировал те государственные проблемы России, обострение которых отмена самодержавия могла, по его мнению, спровоцировать. Более того, апеллируя к «малой культурности народа», Николай II указывал, что при таком её уровне менять государственное устройство страны не только опасно, но фактически и бесполезно: не отвечая условиям формирования конституционного общества, эта «малая культурность» не замедлит оказать самое разрушительное влияние на судьбу «конституционной» России, просто не позволив ей сформироваться, тогда как старый механизм государственной власти уже будет уничтожен. И те политические уступки, которые были сделаны в годы последнего царствования и которые завершили его, и те события, которые за этими уступками последовали, только убедили самодержца в собственной правоте. Отрицая созидательный потенциал российской революции, рассматривавшейся Николаем II не как путь к созданию в России реальных демократических институтов, а как пролог к социальному хаосу и гражданской войне и потому встречавшей с его стороны жесточайшее противодействие, император вместе с тем видел многие конкретные причины, порождавшие в стране массовое недовольство. Вот почему осуществление крупных социально-экономических реформ наряду с нескрываемым отлагательством политических преобразований не содержало для последнего самодержца никакого противоречия – такая политика являла с его стороны пример именно целостного, непротиворечивого видения явлений.

В заключении излагаются основные выводы исследования:

– Отечественная историография последнего царствования, генезис которой практически совпал с его началом, пережила значительную эволюцию: из десятилетия в десятилетие появлялись новые источники, конкретизировались и усложнялись представления о личности и государственной деятельности императора Николая II. Основные этапы развития этой историографической традиции, думается, совпадают с главными политическими периодами, которые наша страна миновала с конца XIX в. – это само последнее царствование, краткая, но насыщенная пора «от Февраля к Октябрю», советская история и параллельная ей история российского зарубежья, современная Россия.

– На каждом из этих этапов историографического развития доминировали определённые представления о последнем самодержце. Вместе с тем все крупные концептуальные заключения о его личности и государственной деятельности были сделаны ещё до революции в рамках монархической, либеральной и радикальной публицистики и впоследствии лишь видоизменялись, совершенствовались, не меняясь по существу.

– При колоссальной внешней разнице, которой эти концептуальные заключения отмечены, им присуще поразительное внутреннее сходство, обеспеченное особым способом их выработки, **единым** логическим механизмом формирования исторических знаний о личности и государственной деятельности императора Николая II.

– Этот единый логический механизм, впервые продемонстрированный тоже до революции и с тех пор неизменно воспроизводящийся, может быть обозначен как **аксиологизация** исторического знания – невольное совмещение в ходе исследования

оценок исторической реальности с регистрацией её наличия. И поскольку оценки исторической реальности конца XIX – начала XX вв. всегда были и продолжают оставаться разными, неудивительно, что одним и тем же мыслительным путём исследователи приходили и приходят к совершенно, казалось бы, разным конкретно- и общеисторическим выводам. Стоит особо подчеркнуть: этим познавательным путём шли не только авторы записок и публицисты, но и представители профессиональной историографии, что особенно важно и неожиданно. Именно он определяет нерушимую преемственность между отдельными этапами развития отечественной историографии последнего царствования.

– Фальсификация исторической истины, которая всегда являлась и до сих пор остаётся главным объектом историографической критики, не может быть признана ни главным, ни тем более единственным препятствием на пути подлинного обновления исторического познания и его результатов.

– Одной из возможных перспектив такого обновления может стать распространение принципа историзма на значение основных понятий политического лексикона императора, что невозможно без разделения ценностной и рациональной структуры мировосприятия исследователя.

Апробация и практическая значимость результатов исследования. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры отечественной истории Томского государственного университета. Основные положения диссертации были изложены автором в ходе четырёх научных конференций, состоявшихся в Томском государственном университете (1999 г.), Томском государственном педагогическом университете (1999 г., 2000 г.) и «Центре интеллектуальной истории» ИВИ РАН (2000 г.)

Результаты диссертационного исследования имеют практическую значимость для исследователей отечественной истории конца XIX – начала XX вв. и, кроме того, могут быть использованы при чтении общих и специальных курсов по истории Отечества, отечественной историографии, источниковедению и методологии истории.

Основные положения диссертации нашли отражение в одной монографии и шести статьях автора, общий объём которых составляет около 9 п.л.:

1. Горбунова Ю. Ф. Император Николай II как государственный деятель в воспоминаниях современников// Человек в истории. Томск, 1999. 0,1 п.л.
2. Горбунова Ю. Ф. Император Николай II и заключение русско-японского мирного соглашения в августе 1905 года// Духовно-исторические чтения. Красноярск, 2000. Вып. 5. 0,3 п.л.
3. Горбунова Ю. Ф. Император Николай II как государственный деятель: к вопросу о соотношении традиции и новаторства в современной отечественной историографии// Преемственность и разрывы в интеллектуальной истории. Москва, 2000. 0,4 п.л.
4. Горбунова Ю. Ф. Император Николай II и идея учреждения Государственной Думы в России// Молодежь, наука и образование: проблемы и перспективы. Томск, 2000. Т.5. 0,4 п.л.
5. Горбунова Ю. Ф. Отечественная историография о Николае II: поиск новых подходов исследования// III Сибирская школа молодого ученого. Томск, 2001. Т.4. Сер. Экономика, предпринимательство, правоведение, история. 0,3 п.л.
6. Горбунова Ю. Ф. Отечественная историческая литература о Николае II: к поиску новых подходов историографического исследования// Проблемы истории, историографии и источниковедения России XIII-XX вв. Томск, 2003. 0,4 п.л.
7. Горбунова Ю. Ф. Вчера и сегодня отечественной исторической литературы об императоре Николае II. Томск, 2003. 7 п.л.